

3. Arbeit macht frei*

В советско-норвежском обзоре за 1947 год о советских военнопленных в Норвегии говорится, что военнопленные использовались главным образом на строительстве военных объектов, на работе по удовлетворению нужд вермахта (строительство барачков, наземных и подземных складов, рубка леса и обработка древесины, погрузочно-разгрузочные работы, работа на транспорте), на строительстве дорог, включая железные дороги и промышленные объекты и на работе на промышленных объектах.

Они работали на самых тяжелых земляных работах, в каменоломнях, на строительстве бункеров и туннелей, на сооружении окопов и погрузочно-разгрузочных работах, как правило, без применения каких-либо технических средств.

В начале войны у Гитлера возникло намерение построить между Му/Рана и Киркенесом, с ответвлением на Нурдрейса-Альту, полноценную железную дорогу. Еще в 1940 году он наметил строительство в Норвегии двух железных дорог: одну для связи Ставангера с Осло, а другую в направлении севера. На строительство этих дорог Гитлер отпуская 2 года.

Участок Северной железной дороги до Му был уже готов к эксплуатации, а участок от Му до Фауксе планировалось сдать к концу 1943 года, когда к весне 1942 года немцы неожиданно признали, что круглогодичное использование норвежского главного шоссе № 50 на участке между Лаксэльв и Ивало, с учетом решения стратегических вопросов обороны норвежского побережья, является более важным.

Строительство шоссе № 50 запланировали вести от Посангер-фьорда к Карашоку, а железную дорогу — от Му до Киркенеса. В июле 1942 года были сделаны расчеты рабочей силы. Оказалось, что на строительство железной дороги Киркенес-Фауксе в конечном итоге понадобится до... 300000 человек! Вероятно, такая фантастическая цифра не утратила немцев, и уже на текущий год они запланировали задействовать на ней около 35000 человек.

* Труд делает человека свободным (пер. с нем.).

В 1943 году Группа «Викинг» в Норвегии приступила к строительству Северной дороги. Между тем Н.Фалькенхорст выразил сомнения в успехе ее строительства, подсчитав, что на это понадобится от 4 до 6 лет и концентрация на ней не менее 145000 советских военнопленных. Гитлер был вынужден признать доводы Фалькенхорста разумными и согласился лишь на то, чтобы сконцентрировать усилия на строительстве дороги на участке Фауске-Драг.

Суровые зимние условия, отсутствие в достаточной мере строительных материалов и рабочей силы создали на строительстве участка дороги севернее Му большие трудности. Гитлер приказал доставить туда югославских и советских военнопленных. Он был настолько щедр, что запланировал выдавать пленным усиленные пайки. Но были ли эти планы претворены в жизнь, история скромно умалчивает. В течение последующих лет немцы стали закачивать на строительство железной дороги колоссальные средства, привлекая для него немецкие и австрийские фирмы и направляя туда все новые партии советских военнопленных. В декабре 1943 года там работали уже 8.164 пленных, 206 легионеров-охранников, 2884 норвежца, 740 немцев, 282 поляка, 113 французов, 90 чехов и 17 рабочих других национальностей.

Другой отрезок дороги — от Фаске до Драга — был длиной в 130 км. На ней были заняты 18 немецких и норвежских фирм и 7784 человек рабочих, из которых 5515 были советскими военнопленными. К октябрю 1944 года всякая работа к северу от Торкильсэнда была приостановлена, к этому времени была закончена лишь третья часть ж/д до Драга. В это время на участке Му-Финнейд трудились 11500 советских, 800 югославских и 1041 польских военнопленных, а на участке Финнейд-Драг — 8.300 советских военнопленных.

Труд советских военнопленных массированно использовался и на удлинении и содержании другого стратегического объекта вермахта — шоссе № 50. Особые трудности в использовании дороги в зимнее время представлял участок между Квэнанген и Киркенесом. Было признано необходимым заняться строительством туннелей и оборудованием вдоль дороги защиты от снега в виде деревянных щитов. На участке Альта-Скайди были заняты около 2000 соввоеннопленных и немецких эзков. Они в тяжелых погодных и бытовых условиях строили там 2 туннеля: Реппарфьелль длиной 8235 м и Хаттер длиной 5300 м.

И, наконец, третий стратегический объект — Атлантический вал.

Общие указания на этот счет содержались в распоряжении генерал-фельдмаршала Кейтеля от 14 декабря 1941 года. В нем речь шла об укреплении норвежской береговой линии и об оборудовании ее оборонительными сооружениями. Работа должна была распределяться между ОТ (строительство) и ВКСВ (обеспечение стройматериалами), а руководить строительством было поручено рейхсминистру Ф. Тодту.

Опасения Гитлера в отношении высадки на норвежском побережье союзнического десанта ускорили работы на Атлантическом валу по оборудованию батарей береговой артиллерии, ДОТов, аэродромов, бункеров и пр. И сюда было привлечено большое количество рабочей силы: советские военнопленные, саперные и строительные подразделения вермахта и Люфтваффе, 3 польских стройбатальона и до 10000 норвежских специалистов, инженеров и рабочих. Две трети общего количества пленных были задействованы на южном и западном участках, а одна треть — на северном участке норвежского побережья. Согласно данным ОТ на июнь 1944 года, на строительстве Атлантического вала работали 12611 советских военнопленных, 6419 норвежцев, 4097 немцев и 2086 гражданских лиц других национальностей.

Для Люфтваффе в районе Ставангера строились аэродромы в Суле и расширился аэродром в Форусе. Для защиты военно-морской базы в Уллъснесе в Хундвоге и Бюэйе с помощью советских военнопленных были смонтированы зенитные батареи Люфтваффе.

Печально известен еще один оборонительный объект немцев, над сооружением

которого также работали советские военнопленные,— это крепость Люнген, к востоку от г. Тромсё. Это дикая, совершенно необжитая часть Норвегии и Финляндии, с суровым, особенно в зимнее время, климатом, почти метровой толщины снегом, не тающим до июня. Она понадобилась немцам в конце 1944 года, когда части Советской Армии стали нацеливаться на занятие северной Норвегии. Люди здесь работали на износ, выдерживали недолго и умирали. Расположенная на высоте от 800 до 1200 м, линия Люнге представляла собой цепочку связанных между собой мелких ДОТов. Каждый из 550 ДОТов являл собой сколоченную из бревен коробку, которую нужно было по бездорожью, в глубоком снегу, поднимать наверх, ставить в выдолбленное на камнях углубление и маскировать камнями и песком.

Крупные объекты военно-морского назначения по плану Гитлера строились в Ставангере (Ульснес), Тронхейме (подземное укрытие для подводных лодок) и в Бергене (сухой док). Первый объект начал строиться уже летом 1940 года. По программе «Викинг» здесь были заняты германские фирмы и около 4300 человек, включая норвежцев. К концу войны там работали 800 советских военнопленных.

Форт Ульснес представлял собой базу снабжения ВМС, на которой, в частности, вооружали торпедами подводные лодки. Кроме того, в Ульснесе военнопленные из соседнего лагеря Русенберг построили береговую батарею из 4-х 12-сантиметровых пушек шведской системы «Буфорс», снятых с трофейного норвежского тральщика «Улав Трюгвасон». Работы на этом объекте ВМС с участием советских военнопленных шли до самого последнего дня войны. Об объеме работ свидетельствуют следующие данные: для строительства пяти двухэтажных бункеров, четырех площадок для пушек и центра управления береговой батареей понадобилось не менее 5120 кубометров бетона. Кроме того, пленные построили здесь 4 барака для солдат и дороги, связывающие воедино всю систему береговой обороны.

Пленные лагеря Севландсвик (коммуна Окра, Северная губерния), открытого в ноябре 1943 года в 3-классной школе, в основном работали над маскировкой прибрежных фортов и сооружением батареи 73/978 береговой артиллерии на полуострове Сюре, где были сосредоточены самые сильные укрепления немцев в этом районе, и над сооружением батареи 67/977 на Феркингсаде. Пленные также использовались на строительстве причалов, насосной станции и на селодочной фабрике.

Производительность труда военнопленных была весьма низкой, что объяснялось главным образом их истощенностью и физической слабостью, а также отсутствием желания работать на врага в полную силу. Расчеты о производительности работы пленных на снегоочистительных и снегозадерживающих работах в районе Салтфьелля за год (227600 трудодней) показывают, что производительность пленных составила всего лишь 4,5 % от нормальной рабочей силы.

Советские военнопленные мелкими партиями использовались и на других непроизводительных работах — там, где требовался тяжелый физический труд. Так, например, когда население Сульдаля (Северная губерния) не стало справляться с наложенной немцами повинностью по заготовке березовых дров и древесины, то на зимнее время привлекли 35 советских военнопленных. Они валили деревья и очищали их от веток, в то время как местные норвежцы вывозили их из леса на склады.

Лагерь Мадла (коммуна Ставангер) принадлежал 978-му полку береговой артиллерии армии, и его узники использовались при сооружении батареи береговой артиллерии. Лагерь пользовался дурной славой и отличался особой жестокостью администрации по отношению к советским военнопленным. Норвежцы были частыми свидетелями избиений пленных. Работы начались зимой 1943 и закончились в апреле 1944 года.

4. Условия жизни в лагере

Тот факт, что СССР не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных, это никоим образом не освобождало немцев от обязанности относиться к советским во-

еннопленным так же, как и к пленным других стран. Но немцы грубо игнорировали это положение и в отношении советских пленных применили самые бесчеловечные и жестокие методы обращения.

6 июля 1943 года военные в Норвегии, отвечающие за советских военнопленных, получили разъяснение о том, что они являются большим ресурсом для рейха не только потому, что ему нужен их труд, а и потому, что, находясь в плену, они лишены возможности сражаться против немцев. Развивая логически второй из этих аргументов, немцы в Норвегии морили их голодом и непосильным трудом. Ведь мертвые советские военнопленные уже никогда не смогут воевать против немецких арийцев!

Вот образчик нацистских инструкций по вопросу «здоровой и вкусной» пищи для военнопленных:

«В качестве дополнительного пайка каждый военнопленный может ежедневно получить 500 г картофеля. При недомогании или заболевании ему можно выдать 125 г цельного молока, кроме добавочной порции скисшего молока... Особое внимание должно быть обращено на физическое состояние больного. Предписание врача действует в течение полумесяца и должно быть после этого возобновлено». Далее лицемерный Берлин советует администрации лагерей давать военнопленным витамины, содержащиеся в травяных отварах, и обязательно регистрировать в их учетных карточках случаи болезни заразными заболеваниями и название вакцин, которые им якобы будут сделаны. Вопрос о госпитализации больных пленных должны были решать местные лагерные врачи.

Педанты из лагерной администрации высчитали, что для нормальной физической работы каждому военнопленному полагалось не меньше 2400 калорий в день, но этой нормы не выполнял ни один лагерь, находившийся в ведомстве вермахта, а еще меньше — в лагерях, подведомственных ОТ.

Когда после войны одного бывшего советского военнопленного в транзитном лагере Вагне (Ставангер) спросили, чем он питался все эти годы в Норвегии, тот ответил: буханкой хлеба в день на шестерых, никакого картофеля, немного кольраби и шпината, иногда немного рыбы из рук норвежцев, когда охранник благосклонно отвернется в сторону, и еще реже — банку мясных консервов (850 грамм на 100 человек!)

Норвежцы свидетельствуют, что они часто видели, как пленные едят остатки еды для свиней, мерзлую картошку, гнилую рыбу, отходы рыбных продуктов, траву и цветы, и как был застрелен советский военнопленный только за то, что он подобрал на дороге голову от гнилой рыбы.

Интересно, чем было вызвано появление вот такой инструкции:

«В соответствии с порядком деньги и другие ценности у советских военнопленных должны быть изъяты, а им на руки выданы квитанции. Деньги и ценности надлежит взять на хранение... При переводе военнопленного в другой лагерь принимающий лагерь должен подтвердить и получение этих денег и ценностей». Откуда было появиться деньгам у советских пленных, можно только гадать. Но у немцев во всем должен был быть порядок!

В качестве денег пленным служил табак. На этот счет были тоже составлены инструкции: военнопленным запрещалось продавать свои поделки за деньги, но разрешалось обменивать их на сигареты. Коменданты лагерей должны были установить параметры такого обмена и цены, для чего следовало развесить в лагерях соответствующие объявления.

Согласно немецким инструкциям, снабжение советских военнопленных куревом должно было обеспечиваться из ресурсов оккупированной страны, т.е. Норвегии. Причем табак для них должен был быть иного сорта, нежели тот, которым снабжали немецких солдат. Но норвежских ресурсов явно не хватало, а потому немцы «родили» вот такую инструкцию по табачным делам — опус, достойный для помещения в рубрику «нарочно не придумаешь»:

«Снабжение табаком военнопленных, ввиду его нехватки, явно недостаточно... Чтобы дать военным начальникам и руководителям рабочих команд возможность хотя бы в минимальной степени использовать табак в качестве вознаграждения пленных за хорошую работу, все воинские части должны заниматься сбором сигарных и сигаретных окурков и передавать их в ближайшие лагеря. Таким сбором следует заняться в солдатских казармах, в столовых, в домах отдыха для офицеров и вообще для военнослужащих, и с течением короткого времени можно накопить определенное количество табака».

В редких случаях норвежцы снабжали военнопленных саженцами табака, когда это ценное растение выращивалось внутри лагеря. Но вырастить табак было не так просто, поэтому пленные предпочитали получать табак сушеными листьями. Норвежцы с удивлением наблюдали, как русские готовили себе удовольствие, мелко рубя листья и стебли, а потом заворачивая нарубленное в газетную или другую грубую бумагу. От такого курева продирало все внутренности! Смертельная вещь, пишут Скарстен и Стокке. Часто норвежцы видели такую типичную картину: пленные идут строем на работу, впереди идущий закуривает «самосад», делает одну затяжку и передает скрутку назад, тот тоже прикладывает к ней и передает ее следующему.

От заразных болезней, от переохлаждения, от недоедания люди умирали, как мухи. А кто регистрировал многочисленные аварии и несчастные случаи на рабочих местах, где техника безопасности являлась чистой фикцией? Сколько советских военнопленных погибло от несоблюдения элементарных правил безопасности и сколько из них стало инвалидов? В архивных документах немецких концлагерей не обнаружено ни одного случая наказания окружающих врачей или лагерной администрации за тотальное несоблюдение ими всех этих предписаний.

Условия жизни пленных в южной и средней Норвегии резко отличались от условий жизни на севере страны. Но и здесь в большинстве случаев военнопленные проживали в закутах, сараях и свинарниках, мыться и стирать одежду было негде, помещения фактически не убирались, вши и блохи размножались с необыкновенной быстротой и проникали везде: в волосы на голове, в одежду, в кровати. И здесь, на юге страны, пленные постоянно испытывали голод. Многие соглашались на выполнение дополнительных услуг и работ в лагере, чтобы заработать лишний кусок хлеба.

Добыча дополнительной пищи была постоянной заботой военнопленных. Нужда заставляла военнопленных идти на хитрости. В лагере Санде (коммуна Сула) пленные санитарного барака, где к зиме собирались сильно простуженные люди, чтобы получить добавку к недостаточному основному пайку, пошли на следующую хитрость: они стали забивать водопроводные трубы тряпками, бумагой и пр. до тех пор, пока трубы окончательно не засорились. Немцы вызывали норвежских слесарей, а те, как правило, шли в барак не с пустыми руками, а приносили с собой еду. На это и рассчитывали «злоумышленники».

Фермеры в районе лагеря выращивали кольраби, и пленные, марширующие мимо полей на работу, часто тайком получали от норвежцев этот овощ. В некоторых случаях пленным удавалось добыть и мясной приварок: они ловили беспризорных собак и поедали их.

При оккупации Норвегии немцами в апреле 1940 года на складах Ставангера накопилось большое количество соленой и вяленой рыбы, предназначенной на экспорт. Позже рыбные оптовики бесплатно предложили рыбу немцам для военнопленных.

Сильно повезло однажды и военнопленным из лагеря Русенберг. Они занимались разгрузочными работами на местной верфи, когда к причалу подошел норвежский рыболовный скутер с сельдью и начал продавать рыбу всем желающим. Один из покупателей Магне Линдангер спросил у капитана скутера, не подарит ли он рыбки советским военнопленным.

— Сколько им нужно? — спросил тот.

— У меня с собой лошадь с телегой, — ответил Магне.

— Гони ее сюда, — сказал рыбак.

Линдангер подогнал лошадь с телегой, и рыбак вывалил на нее полцентнера рыбы.

Влага, холод, грязь и антисанитарные условия проживания в лагерях делали свое дело — заразные болезни «косили» военнопленных целыми косяками. Когда в 1945 году пленные освободили бараки в Сумамюре и туда вошли наводить порядок норвежцы, они пришли в ужас: достаточно было сунуть щетку в какой-нибудь угол, как она сразу покрывалась серой шевелящейся массой. Когда в лагерь случайно заглянули английские десантники, их с радостью встретили советские военнопленные. Но англичане с трудом заставили себя пообщаться с ними, потому что не могли выдержать исходящей от них вони и вида многочисленных насекомых на их теле и одежде.

В лагере была столярная мастерская, и пленные, кроме предметов быта, вырезали шкатулки, рамки и игрушки, которые они обменивали у норвежцев на еду и тем спасались. Для своих поделок пленные подбирали все, что попадалось им на глаза: куски дерева, железа или алюминия, гвозди, стальную проволоку и пр. Краску они добывали из сочной травы, листьев деревьев и кустарников и цветов.

Лагеря в Мадле, Санде и Фолькворде в районе Ставангера пользовались особенно дурной славой. Норвежцы утверждают, что по крайней мере трое советских военнопленных были на их глазах застрелены в Фолькворде. Пленные из лагеря Русенберг (Ставангер), работавшие на строительстве объектов для ВМС и ВВС, по пути на работу все время искали глазами местных жителей, которые либо умудрились бросать пакеты и кульки с едой (кольраби, картошка и пр.) прямо в маршевую колонну, либо оставляли ее в укромных местах во мху, в торфе и в канавах по пути следования пленных. Из-за экономии времени немцы кормили пленных прямо на месте работы. Если в самом лагере питание было скудным и недостаточным, то на работе оно было еще хуже.

В лагере Вигдель (коммуна Сула, Ставангер) раздавали хлеб, который выглядел как камень. Суп-кашу варили из остатков этого хлеба и ржавой селедки. Ежедневный рацион обычно состоял из 1 литра жидкого супа (завтрак), из остатков ужина (обед), хлеба и искусственного кофе (ужин). Мяса, сыра или картофеля они практически не видели. Дневной рацион хлеба составлял не более 300 г, а к 1945 году он сократился до 220 г. Но и этого количества пищи часто не доставалось из-за штрафов и наказаний. Любой проступок заканчивался одним: «Твой номер? Фамилия? Сегодня без еды!»

В лагерях в северной Норвегии положение с питанием военнопленных было еще более ужасающим. Пленных из Фолькворда, работавших на строительстве бункеров и оборонительных объектов, собственных лагерей, а также на погрузке-разгрузке в порту Санднес, сопровождали четверо охранников: двое шли по бокам, один - впереди и один — сзади. Более всего норвежцев поражало то, что большинство пленных не имели обуви — они обматывали ноги мешковиной и завязывали ее веревочкой. На более дальние объекты их отвозили в грузовиках, и тогда их набивали в кузов, как селедку в бочки.

Комендантом Сомармюра был подполковник, отличавшийся особой жестокостью по отношению к пленным. Когда немцы капитулировали, он подошел к заключенному Михаилу Аренбергу и сказал:

— Я рассчитываю, что ты не забудешь, что я был добр с тобой.

— Аренберг сказал в ответ всего лишь два слова:

— Я — еврей.

— Проклятая свинья, — зашипел немец.

Кстати, еврей Аренберг выжил благодаря тому, что тщательно скрывал свою национальность и несколько раз менял свои имя и фамилию. Однажды его узнал один немецкий солдат, с которым Аренберг когда-то учился в школе. Но солдат не выдал его и помог ему выжить.

В большинстве лагерей, пишут Скарстен и Стокке, среди советских военноплен-

ных наблюдались сильное сплочение и солидарность. Тех, кто пытался нарушить эту атмосферу, подвергали остракизму и выживали по возможности из своей среды, добываясь их перевода в другие лагеря. Все опрошенные историками свидетели тех событий подтверждают, что более сильные и здоровые пленные, как правило, помогали своим слабым товарищам, отдавая им часть своего пайка и заботливо поддерживая их при возвращении с работы в лагерь. Полученной из рук норвежцев едой пленные делились со своими товарищами по бараку или по работе.

Норвежские девушки Сольвейг Братланд и Вальборг Свенссон наблюдали, как при распределении пищи военнопленные, чтобы соблюсти полную справедливость, пользовались самодельными весами. Охранявший их солдат, чех по национальности, сказал девушкам:

— Мы многому у них можем поучиться. Смотрите, как они распределяют еду между собой.

Свободное от работы и сна время военнопленные занимались добычей пищи, ремонтом одежды и обуви или поделками из подручного древесного или металлического материала. В лагере Форус оказался военнопленный, который делал товарищам татуировки. В некоторых лагерях пленные занимались пением — в основном по воскресеньям. Военнопленным в Мадле разрешили обменивать у норвежцев и даже у охранников свои поделки — шкатулки, кольца, сабо, игрушки - на еду. У каждого военнопленного, занимавшегося ремеслом, был собственный инструмент, который они на ночь сдавали охранникам на хранение. Немцы в большинстве случаев не возражали, чтобы местные норвежцы делились с пленными пищей. Дети передавали ее через окна барakov, т.е. им разрешалось войти на территорию лагеря. Иногда охранники брали у детей пакеты с едой и сами вручали их непосредственно нуждающимся заключенным. По просьбе местных фермеров администрация лагеря предоставляла в их распоряжение военнопленных, которые выполняли различные работы по дому или на огородах, например, посадка картофеля. В таких случаях фермеры подкармливали рабочих, и некоторым из них удавалось кое-что из продуктов незаметно присвоить.

Но и в Мадле не все охранники проявляли снисходительность к «проступкам» пленных. Среди них были и настоящие садисты. Эрик Финнестад, тогда 9-летний мальчик, вспоминает, как один из них зверски избивал военнопленного прикладом от винтовки.

Обстановка внутри лагерных барakov обычно была самой примитивной — грубо сколоченные столы, печка, нары и набитые соломой грязные матрацы. Но и в этой обстановке попадались отдельные «счастливчики», которым жилось относительно легче других. Пленный Иван Горбоконенко из лагеря Севландсвик был профессиональным художником и использовал свое мастерство при установлении контактов с норвежцами. Его картины до сих пор висят в норвежских домах, в том числе копия знаменитой картины Шишкина, на которой изображены играющие в сосновом бору медвежата. Немецкие офицеры также заказывали ему картины, так что от всех работ он был полностью освобожден и целыми днями занимался любимым делом.

Наиболее страшные картины голода советских военнопленных относятся к Северной Норвегии. И без того скудные пищевые рационы для советских военнопленных имели там по мере продолжения войны однозначную тенденцию к сокращению. Скарстен и Стокке, написавшие свое исследование, в основном, о военнопленных, оказавшихся в районе Ставангера, замечают, что у них создалось впечатление, что в некоторых лагерях немцы рассчитывали на то, что военнопленные должны были сами заниматься своим пропитанием. Часть пищи отбирали сами немцы, предоставляя военнопленным недоброкачественные и гнилые продукты. Капуста кольраби, которая обычно использовалась при приготовлении супов, часто лежала сваленной в кучу перед баракom и постепенно сгнивала, издавая вокруг вонь.

Вообще лагерная система немцев, особенно на севере Норвегии, исходила из то-

го, чтобы на ослабевших от голода и болезней пленных не тратить ни лишних продуктов, ни лекарств. В лагерях Квесменеса и Шиботна действовало правило: кто не мог работать, тот еды не получал. По ночам пленные глодали кору и сухие листья. Доведенные до крайности пленные, чтобы выжить, были вынуждены заниматься людоедством. А пропитание находилось рядом: как выяснилось, в первые дни после войны немцы забили свои склады продовольствием на целых 6 месяцев!

Лагерь смертников Малльвитц в долине Китдал, губерния Тромс, представлял собой барак из бревен без потолка. Полом служили брошенные на землю неструганные доски. От комаров пленных защищали грубые сетки в проемах, которые с трудом можно было принять за окна. В каждой комнате (если эти закуты можно было называть комнатами) на 30 кв. м полагались 20 больных и голодных пленных. У каждого пленного для отдыха и сна были по три тонких истрепанных коврика.

Еду давали только тем, кто мог поправиться в течение 2 месяцев, объясняли потом немцы. Почему 2 месяца? Потому что они ждали наступления Советской Армии на этом направлении не позднее мая. Высшим командованием немецкой армии планировалось к этому времени передислоцировать выздоровевших пленных в южные районы Норвегии. Они не планировали покинуть Норвегию, они хотели ее оборонять до последнего, а русские пленные им бы еще понадобились. Тех, кто таких шансов не имел, немцы морили голодом или расстреливали.

Вот типичный эпизод из жизни военнопленных в лагере «Малльвитц», куда, в частности, отвозили «доходяг» со строительства оборонительной линии Люнген. Военнопленного немцы выгоняют из барака и начинают бить. Потом его ведут к огромной яме — общей могиле — и стреляют в лоб, так что его мозги брызгают во все стороны. Один из военнопленных, которому приказано похоронить убитого товарища, подбирает мозги и поджаривает их на огне. И съедает. И, кстати, остается в живых. Еще один эпизод людоедства в этом лагере зарегистрирован за 2 дня до конца войны. Очумевший от голода пленный отрезал часть тела умершего товарища. Немцы, обнаружив это, загнали голодного в барак и нашли человеческое мясо уже в котле, в котором готовилась еда на трех пленных. Всех троих немцы расстреляли из пулемета.

Вот ежедневный рацион питания в этом лагере: завтрак — теплая вода, очень редко чай; обед — 800—900 г супа, сваренного из горстки муки; ужин — 100 г хлеба, 800 г мясных консервов и 500 г маргарина на 4—5 человек. Слабых и больных в лагере «Малльвитц» убивали ядом (керосином), делая им смертельные инъекции. Чудом выжили двое пленных, они-то и рассказали о зверствах немцев.

Рабочее время военнопленных варьировалось от лагеря к лагерю.

Пленный из лагеря Мадла рассказывал, что в летнее время они работали, как правило, до 5 часов пополудни. Если они падали от изнеможения, их били. Если они пытались передохнуть, их снова били. В пять часов они получали по пол-литра жидкого супа из кольраби. На этом их питание в этот день заканчивалось.

На строительстве аэродрома в Суле военнопленные работали с 9:00 до 15:00, но при недостаточном питании, плохой одежде и сильных холодах в зимнее время, когда морозы достигали -15° — -17° , многие пленные не выдерживали и умирали.

Летом рабочий день удлинялся: он начинался в 8:00 и заканчивался в 16:00 или 17:00. В 12:00 был перерыв на то, чтобы попить воды из колодца. После работы уставшие и голодные пленные должны были еще добираться пешком до лагеря, который зачастую находился на расстоянии 2—3 километров от места работы. Некоторые ослабевали на работе до того, что не могли идти. Тогда немцы разрешали одалживать у местных норвежцев тачки, чтобы довести такого «доходягу» до лагеря.

Конечно, полуголодные пленные работали без особого энтузиазма. На работу их пригоняли в пешем порядке. Они шли в колонне, но строй, естественно, держали плохо, вразной шмыгая по земле ногами. При этом, несмотря на окрики охранни-

ков, спешить на работу не собирались: чем позже они появятся на объекте, тем короче окажется рабочий день.

Одежда военнопленных тоже была ниже всякой критики.

Многие советские пленные были одеты в свои еще советские шинели, в которых они ходили практически круглый год, во-первых, опасаясь, что в их отсутствие шинели украдут и, во-вторых, используя их для скрытия неожиданно полученной от норвежцев «подкормки». Многие ходили в ватниках (фуфайках). На подкладке шинелей и фуфаек пленные вшивали как можно больше карманов, чтобы туда можно было положить что-либо нужное и полезное. Головные уборы были самые разные: некоторые сохранили еще свои буденновки, большинство же ходило в пилотках, шапках-ушанках типа «зэкочки» или теплых картузах.

Часто пленные возвращались с работы в лагерь под дождем. В бараках они должны были развесить мокрую одежду поближе к печкам. *«Мы можем только с трудом представить себе запах от всех этих шинелей и курток»,* — пишут Скарстен и Стокке. — *«Это издавало такую вонь, что немецкие солдаты, приходившие утром будить пленных на работу, не решались войти в бараки».*

Немцы пытались одеть пленных в стандартную лагерную и рабочую одежду, но ее на всех не хватало. Как замечают норвежские историки, эта одежда по своему покрою напоминала довоенную униформу норвежских солдат, только отличалась от нее цветом. Возможно, так и было на самом деле: немцы захватили норвежские склады, перекрасили норвежские мундиры в серый цвет и раздали пленным. Во всяком случае, на металлических пуговицах курток сохранились норвежские лвы.

Пленным иногда выдавали носки, но они были изготовлены из целлюлозы и при первом же дожде расползались на части. А дождь в Норвегии — нередкий гость. А если пленные работали в торфяной местности? Или в болотах, что тоже часто случалось? Ревматизм и другие болезни были обычным явлением среди пленных.

5. Охрана и комендантура

Комендант лагеря был царь и бог над своими подопечными, а охрана — солдаты т.н. батальона Landeschützen — его послушными помощниками. В инструкции для охраны, между прочим, говорилось, что она должна была *«демонстрировать безоговорочную жесткость при малейшем признаке сопротивления со стороны военнопленных»* и без размышлений применять оружие. Между охраной и военнопленными допускался минимум общения; никакого общения не разрешалось между военнопленными и местным гражданским населением. Для недопущения контактов в последнем случае тоже разрешалось применять оружие.

В лагере Санде охрана менялась каждую неделю. В течение войны инструкции для охранных батальонов много раз менялись в сторону ужесточения. Очевидно, наверху были обеспокоены неточным исполнением ими инструкций и были обеспокоены происходящими время от времени неприятными инцидентами. Так, были случаи, когда военнопленные крали у охранников оружие. Причина очевидна: охранники расслаблялись и заводили с военнопленными недопустимо близкие отношения. Особую бдительность охранники должны были проявлять при транспортировке пленных на дальние расстояния и на рабочих местах.

Вот выдержки из лагерного циркуляра за 1943 год:

«26.5.43 г. старший капрал П. во время работ военнопленных стал жертвой нападения сзади и был убит лопатой. Из охраняемых им пленных 7 человек совершили побег и до сих пор не пойманы. Нападение стало возможным, потому что охрана не следовала предписаниям в отношении военнопленных и позволила двум военнопленным во время марша подойти к капралу сзади».

«22.6.43 г. (обратите внимание на дату!) во время расчистки поля от мин на

старшего ефрейтора охраны напали военнопленные, которых он охранял. Они бежали и до сих пор не найдены. Инцидент стал возможным, потому что охрана упустила военнопленных из вида. Слишком часто охрана во время работ пленных погружена в чтиво».

«30.6.43 г. старший стрелок К. во время работы получил удар железным прутом сзади. Рана оказалась опасной, и его жизнь находится пока под вопросом. В результате нападения пятеро военнопленных пытались бежать, один из них до сих пор не пойман. Нападение стало возможным, потому что охранник плохо следил за передвижениями военнопленных».

Очевидно, нападения на охранников были не таким уж и редким явлением и совершались они главным образом с целью побега. Заметим также, что все выше перечисленные случаи имели место во время работ или при следовании пленных к месту работы (с работы) и в летнее время, наиболее благоприятное для побегов.

Инструкции однозначно рекомендовали руководству лагерей почаще и без всякого предварительного предупреждения проверять работу охранников.

Охранники в лагере Сумармюр были из Гамбурга и со временем стали более-менее снисходительно смотреть на отдельные нарушения дисциплины пленными. Отношение охраны к советским военнопленным, согласно Скарстену и Стокке, стало слегка меняться в лучшую сторону по мере того, как немцы проигрывали войну.

К концу войны, когда вермахт терпел большую нужду в солдатах, немецкая охрана стала кое-где заменяться «власовцами» или Hiwis (Hilfswachmannschaften), добровольцами, набираемыми из прибалтов, украинцев, белорусов и поволжских немцев. Именно эти охранники, выслуживаясь перед немцами, проявляли наибольшую жестокость.

Следствием учащенных побегов являлось «закручивание гаек». В теплые времена года охрана усиливалась и устанавливалась норма — 1 охранник на 10 военнопленных, охранники не должны были слишком далеко удаляться от военнопленных, а лагерной администрации вменялось в обязанность совершать рейды по контролю за поведением охраны. Нерадивым охранникам грозило наказание.

Последнее не было пустой угрозой.

Вот выписка из циркуляра: *«Вице-капрал лагерной охраны Юнгмихель установил дружеские отношения с польским офицером. Он передал этому военнопленному инструмент, карту и другие предметы, которые помогли ему и другим пленным организовать побег. Юнгмихель решением суда осужден за измену в период военных действий и приговорен к смерти. Решение было исполнено 5.3.1943 года. По данному делу информированы лагерные комендатуры и охранные подразделения».*

В другом случае, когда при транспортировке 529 советских военнопленных бежали 61 человек, за расхлябанность и за то, что охрана пленных была поручена местной полиции, а не специальной немецкой охране, был наказан офицер разведки штаблага. Пленные, как утверждает в циркуляре, добыли перочинные ножи, безопасные бритвы, ножницы и т.п. и использовали их для побега.

19 июля 1944 года генерал-полковник фон Фалькенхорст издал приказ, согласно которому все чистокровные евреи в лагерях для советских военнопленных, а также те, кто подозревался в организации побега, должны поступить в распоряжение службы СД. Для этих советских военнопленных такое решение означало смерть. В лагере Санде сразу отыскивали трех евреев. Ими занялось Ставангерское отделение СД во главе с оберштурмбаннфюрером СС Фридрихом Вилькес. Скоро трое военнопленных, избитые, с переломанными ногами и руками, были доставлены в Санде, но не обратно в лагерь, как думали бедные жертвы, а на кладбище, где для них были уже вырыты могилы.

В лагере Агдер особой жестокостью по отношению к пленным отличался хауптфюрер СС Пауль Гломб, получивший кличку «Убийца русских». На его совести около 50 казненных пленных — и это всего за какие-то полтора-два года его управления лагерем.

Многие садисты, подобные подручным Вилькеса, в мае 1945 года были арестованы и судимы. Многих из них приговорили к расстрелу. Фойерлайн понес заслуженную кару: сначала его судили англичане за садистское отношение к английским парашютистам, взятым в плен в Норвегии, а потом его передали властям СССР. Всего из администрации немецких лагерей в Норвегии в Советский Союз для суда и следствия отправлены 444 немца, из которых 264 человека были подследственными, а 180 — свидетелями.

Скарстен и Стокке приводят и другие примеры внезапных расстрелов советских военнопленных, основанные на свидетельствах норвежских очевидцев, как, например, расстрел 7 пленных из лагеря Сула. Немецкий расстрельный «порядок» безостановочно работал до последних дней войны. Так, 7 Мая, за день капитуляции Германии, 6 советских военнопленных из лагеря Аустволль были назначены комендантом лагеря к расстрелу, поскольку они оказались коммунистами. Беднягам повезло: приговор привести в исполнение не успели, потому что война на следующий день кончилась.

Итоги «работы» лагерных комендатур и охранных отделений в Норвегии известны: 22 тысячи советских военнопленных, погибших от их рук или по их вине. Основная доля погибших падает на Северную Норвегию: там и пленных было больше, и в жестокости северные лагерные комендатуры превосходили все другие.

6. Вербовки в РОА и вермахт

По данным КРЖПР, германскому командованию за все время войны удалось из числа советских военнопленных и перебежчиков сформировать подразделения общей численностью около 250 000 человек*.

К осени 1944 года, когда Гитлер, наконец, дал согласие на организацию Власовым т.н. РОА, в лагерях для советских военнопленных уже полным ходом проходила кампания по вербовке в нее добровольцев. В Норвегии она началась весной 1943 года. Провозглашенные Власовым цели — освобождение России от коммунистов — разделяли немногие военнопленные, а потому разъезжавшие по лагерям 40 пропагандистов-вербовщиков привлекали их в основном сытной едой и довольствием. Когда добровольцев не находилось, прибегали к насилию. Особенно жестко эти вербовки стали проводиться с сентября 1944 года, когда вся лагерная система в рейхе перешла в руки СС. Немцы загоняли военнопленных в РОА под страхом смерти. В Ставангере их жестоко избивали, а в Бергене отправляли в штрафные лагеря. В январе 1945 года, когда Власов формировал свои 1-ю и 2-ю дивизии, пленных в лагерях вокруг Бергена, отказавшихся завербоваться, отправляли в штрафной лагерь в Ульвене, в нем находилось 620 «отказников».

Для агитации немцы стали выпускать специальные 2 газеты: одну — для военнопленных, другую — для «остарбайтеров». Военнопленные в Норвегии считали своим долгом при контактах с норвежцами подчеркивать, что среди них сторонников Власова не было, и что в их лагере никто не поддался на уговоры вербовщиков из РОА.

Несколько тысяч военнопленных, все-таки подписавших согласие, в Германию не поехали, и в немецкую форму их не одели. Их даже не перевели во вспомогательные воинские подразделения — им просто увеличили пайки. Так произошло с военнопленными в Ставангере, Бергене и в губернии Тромсе. Скарстен и Стокке утверждают, что часть завербованных осенью 1944 года была отправлена на Восточный фронт, а завербованных позже оставили в распоряжении вермахта в Норвегии.

В лагере Сальтфьеллет, да и в других лагерях военнопленные должны были сделать выбор между службой в РОА и голодной смертью. В лагере Сумамюр, по свиде-

* Мы уже убедились, что Комиссия исходила в своих оценках о советских военнопленных из принципа минимизации. Поскольку по данному пункту — количество завербованных пленных в армию Гитлера — других данных нам не встретилось, то будем использовать цифру КРЖПР.

тельству М. Аренберга, семеро «отказников» были расстреляны. Многих привезли в гестаповские застенки в Ставангере. Это действовало на многих, но не на всех.

Думается, немцы сами испытывали острый недостаток во вспомогательных войсках и предпочли под видом вербовки в армию Власова приобрести себе в Норвегии дармовых помощников. В лагере в Мадле агитация проходила под жестоким силовым прессом. Георгий Чеверда долго сопротивлялся, к нему делали подход три раза, но он считал, что, поскольку его отец и брат сражались на фронтах, воевать против них было бы изменой. Татарин Могдан Шарифулин, происходивший из раскулаченной семьи, коммунистов ненавидел, но в РОА записываться не захотел, потому что считал, что там были одни украинцы, которые вряд намеревались воевать за освобождение Татарстана от коммунистов.

Осенью 1944 года военнопленные из лагеря Санде получили предложение от вермахта работать на его оборонных объектах в обмен за хорошее обхождение, улучшенные по сравнению с лагерями для военнопленных жилищные условия и усиленный, как у немецких солдат, паек. Эту службу немцы назвали *Ergänzungsdienst*. Записавшиеся туда военнопленные сохраняли свой прежний статус и оружие не получали.

Предложение вызвало оживленные дискуссии среди узников лагеря. Мнения, как и следовало ожидать, разделились. Одни считали предложение подходящим: можно было жить рядом с местом работы и нормально питаться. Другие называли это предательством. Несколько человек записалось, остальные военнопленные стали их презирать.

Двое советских военнопленных, взятых в плен в Крыму, рассказывали потом после войны, что самым тяжким для них испытанием в Норвегии оказались грубые и жестокие вербовки в армию Власова. Некоторые не выдерживали давления — и морального, и физического — и сдавались, хотя никакого внутреннего желания служить изменнику родины у них не было. К таким бывшим товарищам военнопленные относились снисходительно и даже с сочувствием. Один из этих пленных рассказывал:

«Немцы использовали самые варварские способы вербовки. Каждый из нас был поставлен к стенке, и они начали угрожать нам оружием — пистолетами и штыками. Они приставляли ножи к горлу и говорили, что сейчас отрежут нам голову. Поскольку мы продолжали упорствовать, они избивали нас до потери сознания. Я получил 100 ударов кнутом, и несколько дней мне не давали есть. Если бы не норвежцы, мы отдали бы концы».

Скарстен и Стокке оценивают общее число советских военнопленных, завербованных в РОА и *Ergänzungsdienst*, до 1 млн. человек. Сколько таких лиц оказалось в Норвегии, неизвестно, но если исходить из общей статистике по всем военнопленным, их должно было быть около 11,5 %, т.е. более 11 тысяч человек. На долю РОА количество симпатизирующих в лагерях, расположенных в северной губернии Тромс, по подсчетам норвежских авторов, приходилось около 3300 человек (а там находилось около 60—65 % всех советских военнопленных), а по всей стране их было не более 4 тысяч человек, т.е. не более 4 %. Остальные 7,5 тысячи были завербованы во вспомогательные военизированные подразделения вермахта. Д. Хауген на примере лагеря в губернии Агдер сообщает, что из 1042 военнопленных лагеря в так называемую вспомогательную службу записались 157 человек.

Определенное количество военнопленных, в частности, мусульмане Кавказа, Крыма и Средней Азии, были завербованы в так называемые национальные легионы и активно использовались вермахтом в разведывательно-диверсионных операциях и боях на восточном и других фронтах.